

ПРАВИТЕЛЬСТВО САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

КОМИТЕТ ПО ОБРАЗОВАНИЮ

Государственное бюджетное общеобразовательное учреждение гимназия № 52

Приморского района Санкт-Петербурга

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ

«Положение женщины в XIX веке и его изображение в произведениях русских и английских писательниц этого периода (на примере повести Елены Ган «Идеал» и романа Шарлотты Бронте «Джейн Эйр»))»

по литературе

Работу выполнила:
ученица 10 «А» класса Бархатова Анастасия Алексеевна

Работу допустил к сдаче

Руководитель: Белова Людмила Ивановна

(_____)

Санкт-Петербург, 2021 год

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ.....	4
Теоретическая часть.....	4
Практическая часть	7
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	18
СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	20
ПРИЛОЖЕНИЯ:.....	20
1. Свидетельство о публикации в СМИ.	20
2. Отзыв об Индивидуальном проекте, составленный руководителем проекта.....	20

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность:

Вопрос положения женщины в обществе каждого поколения был и остаётся *актуальным*. Писательницы разных веков создавали и создают произведения, наиболее точно отражающие эту проблему – ведь они рассказывают о чувствах, испытываемых ими – так читатель понимает сущность «женского вопроса». Сегодня в этом направлении проводится множество исследований, поднимающих тематику гендерного неравенства в обществе, среди которых нередко встречаются феминистские идеи. Несмотря на это, до сих пор сохранились стереотипы о том, какое положение женщина должна занимать в обществе – именно поэтому важно говорить об этой проблеме, показывая, что она нашла своё отражение в классических литературных произведениях.

Гипотеза:

Так называемый «женский вопрос» в литературе напрямую зависит от национальной почвы, менталитета. На примере анализа произведений русской и английской писательниц, творивших примерно в одно и то же время, попробуем доказать, что положение женщины в обществе в один и тот же исторический период в разных странах отличается и зависит от особенностей развития стран и истории стран.

Цель:

Произвести сопоставительный анализ художественных произведений в заданном направлении, выявить психологическое влияние, оказываемое на женщин вследствие их положения в обществе Англии и России XIX века, доказать, что зависимое положение женщин в обществе пагубно влияло на их развитие, прежде всего, потому что ограничивало свободу воли; показать аспекты и тонкости изображения этого явления в произведениях писательниц разных стран.

Методы и методики, использованные при выполнении работы:

1. Сопоставление содержания произведений с жизненным опытом писательниц и их взглядами.
2. Сопоставление содержания произведений с исторической обстановкой.
3. Сопоставление методов изображения эпизодов, образов в заданном направлении.
4. Сопоставление проведённых исследований в заданном направлении.

Продукт:

Статья о ключевых особенностях отображения в литературе России и Англии XIX века темы неравенства в положении женщин, содержащая сопоставительный анализ образов героинь писательниц разных стран и их идей.

Задачи

- Сравнить особенности отображения женских образов в повести «Идеал» Елены Ган и романе «Джейн Эйр» Шарлотты Бронте.
- Ответить на вопрос: что хотели сказать писательницы своими произведениями, были ли их идеи схожи или разнились?
- Проанализировать возможное влияние исторической обстановки на содержание произведений, изучить социальные и другие права женщин, характерные для первой половины XIX века.
- Проанализировать возможное влияние жизненного опыта писательниц на их произведения.

- Изучить исследования, посвящённые творчеству писательниц или их произведениям, сравнить их главные выводы.

Практическая значимость работы:

Исследование может быть применено при изучении зарубежной литературы в курсе старшей школы, а поднятый в нем «женский вопрос» поможет сделать это изучение современным, привлечь внимание к открытию малоизвестных для учеников XXI века имён (таких, как Елена Ган), позволит усилить интерес к произведениям Шарлотты Бронте, посмотреть на её роман с новой точки зрения, что привлечёт дополнительный интерес к литературе среди учащихся старших классов.

Срок работы над проектом:

Сентябрь 2020 г. – апрель 2021 г.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Теоретическая часть

Тема гендерного неравенства поднималась в литературе уже в конце XVIII – самом начале XIX века. Именно эпоха Просвещения положила начало долгого пути переоценки женщины как независимой личности, способной на равных правах с мужчинами принимать непосредственное участие во всех сферах деятельности.

О необходимости изменения положения женщины говорили всемирно известные писатели и философы: Вольтер указывал на несправедливость «женской доли»; Монтескье писал о том, что женщина не только может, но и обязана принимать участие в общественной жизни, если изъявляет на это своё желание; а Гельвеций доказывал, что гражданская непросвещённость женщины «есть только следствие ее неполного и неправильного воспитания». Был опубликован ряд произведений, освещающих «женский вопрос»: «Об улучшении гражданского положения женщины» (1793) Гиппеля, «Декларация прав женщины и гражданки» (1791) Олимпии де Гуж, «В защиту прав женщины» (1792) Мэри Уолстонкрафт.

Кроме того, в конце XVIII века в Европе огромную популярность получили читательские клубы, где женщины собирались для обсуждения научных трудов, чтения книг и даже выпуска своих собственных произведений (они были или анонимными, или выпускались под псевдонимами). Эти женщины, как правило, не претендовали на высокий статус и признания их положения, равного мужчине; но факт того, что женщины встали всё чаще и чаще выходить за рамки привычных домашних обязанностей сыграл большую роль в будущей борьбе за эмансипацию.

В I половине XIX века в России общественный статус жены определялся статусом мужа. По традиции «жена [была] обязана повиноваться мужу своему как главе семейства; пребывать к нему в любви, почтении и в неограниченном послушании, оказывать ему всякое угождение и привязанность как хозяйка дома». У женщины не было права участвовать в политической жизни, жить самостоятельно, получать высшее образование: они могли быть лишь вольнослушательницами в университетах.

Несмотря на то, что феминистические взгляды начали привлекать острое внимание писателей только после реформы 1861 года, в первой половине XIX века многие иностранные писатели и писательницы поднимали эту тему. Например, французская писательница Жорж Санд в своих романах разрушила образ таинственной, романтической

женщины. В 1830-х она выступила против нерасторжимости брака, однако превозносила чувство любви - такая концепция возмутила многих российских писателей и критиков, включая Пушкина, Белинского и Сенковского. Конструктивное осмысление её идей осуществлялось в основном в «женской прозе»: например, в повестях Е. А. Ган и М.С. Жуковой.

Несмотря на негативный взгляд на произведения писательницы в «первую волну» её творчества, в 1841 Белинский, критиковавший Санд, напишет, что Жорж Санд «вдохновенная пророчица, энергический адвокат прав женщин». Кроме того, её почитателем был А.И. Герцен, в 1838 году признавшийся, что «съездил бы ей поклониться». Позже он поднял вопрос гендерного неравенства в своём романе «Кто виноват?» (1846).

«Женский вопрос» поднимался во II половине XIX века, например, наиболее яркими писателями-феминистами Николаем Чернышевским и Дмитрием Писаревым. В 1863 Чернышевский опубликовал роман «Что делать?», после выхода которого, отмечают современники, всё больше женщин стало стремиться к самостоятельному заработку и получению образования.

Важно понимать, что освещение этой темы в литературе началось именно женщинами-писательницами в 1830-е, среди которых была Елена Ган – они повлияли на мировоззрение своих потомков и возвели прочный фундамент, на который могли опираться вышеперечисленные авторы. Героини, образы которых отражают феминистические идеи, встречаются во многих известных произведениях II половины XIX века: Аглая Епанчина в «Идиоте» Достоевского (1869), Вера у Гончарова в «Обрыве» (1869), Лариса Огудалова в «Бесприданнице» (1878) Островского, уже упомянутая Вера Павловна («Что делать?» Чернышевского) (1863).

Для исследования была выбрана именно повесть Елены Ган «Идеал», так как она ярко отражает главные черты «светских повестей», сыгравших важную роль в дальнейшем становлении прозы. Именно в «Идеале» обнаруживаются самые яркие черты творчества Елены Ган: противостояние героини «свету» и невозможность обретения счастья. В её произведениях читатель наглядно видит, каково положение женщины в обществе. Кроме того, в своих произведениях Ган придаёт художественную форму своим личным переживаниям – так читатель может наблюдать завуалированную автобиографию писательницы, рассматривать сделанный с действительности слепок XIX века. Важно заметить, что Елена Ган не являлась феминисткой и не придерживалась идей женской эмансипации, но показывала те жестокие законы жизни, которые не позволяют одарённой женщине занять достойное место в обществе, хотела вызвать сочувствие к женщине как к жене и матери. Белинский писал, что она «глубоко понимала униженное положение женщины в обществе и глубоко скорбела о нем».

Перед проведением исследования были проанализированы несколько научных работ¹, выполненных по творчеству Елены Ган, затрагивающие тему отражения «женского вопроса» в её творчестве. Были сопоставлены их выводы и выявлены главные положения. Во-первых, их авторы относят повесть «Идеал» к романтизму и подчёркивают роль Елены Ган в становлении прозы в XIX веке (до 30-40х XIX века годов преобладала поэзия). Не подвергается сомнению автобиографичность повести (только кто-то уверен, что она

¹ Работа Шорэ Э. ««Желание любви и страстное стремление к искусству» (Елена Ган и ее рассказ «Идеал»)»; диссертация Сизовой М.А «Жанр "светской повести" в русской литературе 1830-х годов: творчество Е.А. Ган» и статья В. Белинского «сочинения Зенеиды Р-вой».

полностью автобиографична, кто-то – что частично). Все исследователи подчёркивают тему любви, как основную тему творчества Елены Ган, но ведутся споры о том, является ли любовь для Елены Ган единственным предназначением женщины. Мы попробуем выбрать точку зрения по этому вопросу и доказать её в ходе практической части. Среди особенностей языка писательницы, которые помогут нам в ходе сопоставления произведений, выделяют особый лиризм в изображении персонажей, позволяющий детально и глубоко их нарисовать, оригинальность в изображении диалогов, остроумие, подчёркивают мастерство писательницы в описании чувств женщины. Все исследователи говорят об исключительном влиянии Ган на становление жанров русской литературы, а также на возникновение таких образов, тургеневские девушки, подчёркивают интерес современников к её личности, - в то время Ган ставили в один ряд с Пушкиным и Лермонтовым.

Переходя от русской литературы и отображения в ней «женского вопроса» к английской, мы мотивируем выбор именно Великобритании в первой половине XIX века для сопоставления с Россией. В это время Россия и Англия оказывали друг на друга влияние², «англомания» стала приметой культурного развития России конца 1830-х – начала 1840-х. В известных журналах того времени («Современник», «Отечественные записки», «Вестник Европы» и так далее) публиковались переводы английских статей, книг, рецензий. Нам стало интересно это взаимное влияние, и, так как среди женщин-писательниц наибольшей популярностью пользовалась Шарлотта Бронте, выбран именно её роман для сопоставления с повестью Елены Ган «Идеал».

В английском обществе в начале XIX в. женщина тоже занимала подчиненное положение, что проявлялось как во внутрисемейных отношениях, так и в обществе в целом. В Великобритании XIX века незамужняя женщина обладала правовой самостоятельностью, но утрачивала её, когда вступала в брак – муж приобретал право собственности на приданое жены и мог им распоряжаться. Женщины могли получить образование на дому, в благотворительных школах или пансионах.

Усиливались строгости в воспитании, было много трудных предметов. Трудности в учёбе описывает Шарлотта Бронте в романе «Джейн Эйр»: «Так как я не привыкла учить наизусть, то сначала уроки казались мне бесконечно длинными и трудными; частая смена предметов также сбивала меня с толку...», – так Джейн училась в Ловуде, прототипом которого стала настоящая школа. К сожалению, девочек, в отличие от мальчиков, тщательно обучали только рукоделию, шитью и кулинарии, не особенно углубляясь в науки – так их готовили стать хорошими женами.

И хотя образ жизни представительниц отдельных социальных слоев существенно различался, в целом, британские женщины оставались юридически неполноценными гражданами. Мы видим, как на протяжении всего XIX в. в Англии развивается либеральное феминистское движение, прошедшее несколько этапов: 1830-е гг., когда оформляются первые женские политические группы, ставившие себе цель борьбы с рабством во всем мире; 1840-е гг., ознаменованные появлением в Шеффилде и Манчестере организаций, требовавших предоставления женщинам равных с мужчинами гражданских и политических прав. Значительную роль в развитии британского либерального феминизма сыграла Барбара

² Из автореферата диссертации Сыскиной А. А. «Критическая и переводическая рецепция творчества Шарлотты Бронте в русской литературе второй половины XIX века»

Ли Смит Бодишон, впервые публично акцентировавшая внимание на правовой незащищенности женщин и необходимости политического равноправия.

«Женский вопрос» в английской литературе наиболее ярко отражён в произведениях Джейн Остин и сестёр Бронте. Но, если Джейн Остин писала о проблеме замужества (почти 46% женщин в первой половине XIX века оставались незамужними), то Шарлотта Бронте продвигала идеи, схожие с феминистскими. Своей задачей она ставила изобразить некрасивую, но сильную женщину, которую можно полюбить за твёрдость в её стремлениях. Влияние творчества Шарлотты Бронте на историю русской литературы сравнивают с влиянием Жорж Санд: биографией и романами писательницы интересовались Л. Н. Толстой, М. Е. Салтыков-Щедрин, И. А. Гончаров, А. П. Чехов. Критики подмечают влияние особой писательской манеры Шарлотты Бронте – правдоподобного изображения персонажей, отсутствие какого-либо приукрашивания – на образы тургеневских девушек и психологизм Достоевского.

Таким образом, Шарлотта Бронте – наиболее яркая представительница английской литературы XIX века, изображающая истинное положение женщины в своих произведениях. Перед проведением исследования были проанализированы несколько научных работ³, выполненных по творчеству Шарлотты Бронте. В исследованиях авторы сходятся в том, что писательница всегда освящает актуальные проблемы: не только «женский вопрос», но и вопросы образования и воспитания, роли религии и церкви, семейных отношений и так далее. Кроме того, исследователи подчёркивают особенный реалистический метод Бронтеб главной особенностью её романов является не униженность героини перед миром, а активность в общении с ним, преодоление героиней препятствий и её большие стремления. Бесспорно, что в её произведениях героини не обладают яркими внешними данными, но являются стойкими, реализуют самих себя. Аналогично с Еленой Ган, критики подчеркивают, что прямых политических заявлений – требований о женской эмансипации – в её произведениях нет, известно, что она даже отрицательно относилась к начинавшемуся тогда движению крайнего феминизма, потому что затруднялась определить, *каким* положение женщины в социуме было и каким бы быть должно. Взгляды писательницы менялись со временем, и феминистические идеи всё больше ей импонировали.

Практическая часть

Как же судьбы Шарлотты Бронте и Елены Ган, живущих в век неравного положения женщины и мужчины в обществе, повлияли на их произведения? Для того, чтобы проанализировать это влияние, попробуем найти совпадения между биографиями, взглядами Ган и Бронте и их произведениями - повестью «Идеал» и романом «Джейн Эйр». Так как цель работы заключена в сопоставительном анализе, параллельно сравним оказанное на произведение влияние.

³ Работа Сыскиной А. А. «Критическая и переводическая рецепция творчества Шарлотты Бронте в русской литературе второй половины XIX века», исследование Хабибуллиной Л.Ф. «Женский национальный тип в английской литературе XIX века» и автореферат Шаминой Н.В. «Женская проблематика в викторианском романе 1840-1870-х годов».

Елена Ган родилась и выросла в большой дворянской семье. Нет достоверных сведений об её образовании, неизвестно, была ли она в «свете», но мы можем об этом предположить, полагаясь на культуру того времени. Именно о встречах «света» Ган и пишет – в самом начале повести «Идеал» читатель наблюдает дворянское собрание, нарисованное писательницей очень правдоподобно. Например, она подмечает привычки дворянского общества: замечает, что мужчина наклоняется над девушкой и, наклонившись, шепчет ей что-то, а её маменька «самодовольно поправляет свой чепец», – читатель наблюдает типичную для того времени ситуацию «ярмарки невест». Тут же появляется главная героиня, Ольга Гольцберг, которая противостоит «свету»: она смотрит на дворян, «как некогда смотрел христианин в римском цирке на диких зверей». Главный конфликт в произведении Елены Ган – тот, с которым она, скорее всего, столкнулась сама – *конфликт героини и мнения «света»*.

Шарлотта Бронте, в отличие от Елены Ган, родилась в семье священника и для получения образования была отправлена в Кован-Бриджскую школу. Шарлотта с детства привыкла видеть, как вокруг их домика простирались луга, лощины, холмы с пологими склонами – сёстры Бронте были особенно привязаны к природе. Это отражается и в романе «Джейн Эйр» во многих деталях – прежде всего, в любви Джейн Эйр к природе. Нет достоверных сведений о подобной любви Елены Ган к природе, но и в её повести Ольга неоднократно чувствует себя свободной именно на природе, писательница часто сравнивает героиню с цветком (кроме того, образ природы играет важную роль в раскрытии идеи – но об этом позже). Возвращаясь к Бронте и к её главному конфликту, мы должны отметить, что тема *гендерного неравенства* в «Джейн Эйр» так же важна, как и тема *классового неравенства*. Эта проблема тоже имеет автобиографический характер – родители Шарлотты Бронте поженились, несмотря на социальное неравенство, всю жизнь семью Бронте преследовала бедность. В «Джейн Эйр» неуверенность девушки в самой себе усугубляется классовым неравенством между ней, гувернанткой, и теми, у кого она вынуждена работать. Не раз эта тема пересекается с «женским вопросом».

В повести Елены Ган вопрос бедности не поднимается – как почти не поднимается конфликт между героиней и «светом» в романе «Джейн Эйр». Что-то напоминающее дворянское собрание единожды упоминается в романе – когда к мистеру Рочестеру, хозяину Джейн Эйр, приезжают гости. Тогда Бронте ярко описывает разговоры между дворянами, их развлечения – как они ставят театр, показательно читают лёгкую литературу, писательница показывает читателю образ «царицы бала» Ингрэм, которая недалеко, легкомысленна и лицемерна.

Можно ли утверждать, что такая разница в обстановке, где развиваются события – дворянская знать у Елены Ган и бедные слои населения у Шарлотты Бронте – является разницей, основанной на особенностях менталитета двух стран? Как в России того времени были бедные люди, так и в Англии были дворяне («джентри») – поэтому неверно говорить, что это является разницей между двумя странами: Ган и Бронте лишь описывают разные социальные слои. Таким образом, проблемы, с которыми сталкивается женщина, у писательниц разные – у Ган это проблема несоответствия женщины принципам «света» и вообще неправильности этих принципов, у Бронте проблема социального неравенства – бедная девушка полюбила богатого мужчину, «человека другой касты», от этого терзает себя, теряет свою уверенность и самодостаточность из-за унижительного отношения к ней. Тем не менее, ментальные различия очевидны и касаются семейного положения

писательниц: Елена Ган, как и её героиня, была замужем, а Шарлотта Бронте на момент написания романа замужем не была. Судьбы двух женщин существенно отличаются – Ган испытывала то же, что испытывала Ольга Гольцберг, когда видела себя «связанною с человеком, с которым не могла иметь ни малейшего сочувствия»; а Шарлотта даже говорила, что «вполне убеждена, что никогда не выйдет замуж», о чём однажды сказала и Джейн Эйр: «Я не хочу выходить замуж и никогда не выйду». И здесь мы наблюдаем, на первый взгляд, противоположные ситуации – одну, где женщина уже вышла замуж и страдает из-за неспособности мужа разделить её желания, стремления и интересы; и другую, где девушка отказывается выйти замуж и произносит приведённые выше слова. Однако мы помним, что свободы для незамужней женщины в Англии было больше, в то время как в России незамужняя женщина лишалась многих привилегий, доступных вступившей в брак.

Однако, в целом, биографических совпадений в произведениях много – начиная с образа Элен Бернс, символизирующего сестёр Бронте, заканчивая способом воспитания Ольги и Веры, похожим на воспитание дочерей Ган. Известно даже, что фабула «Джейн Эйр» основана на действительных событиях – истории о женитьбе богатого помещика на гувернантке и открытии страшной тайны о том, что он уже был женат, услышанной Шарлоттой Бронте. Из-за всего вышеперечисленного мы можем утверждать, что личные впечатления писательниц и их мнения легли в основу произведений.

Вернёмся к вопросу исследования, можем ли мы доказать, что «женский вопрос», основанный на историях героинь разных стран, напрямую зависит от национальной почвы? Попробуем найти фрагменты произведений, отражающие стереотипные мнения о женщинах в обеих странах, и сопоставим их с действительностью.

Стереотипное мнение о женщине и её предназначении отражается во многих репликах, диалогах и мыслях персонажей. У Елены Ган такие реплики в основном достаются мужчинам, важную роль играет муж главной героини, Ольги Гольцберг, «затвердивший себе, как одиннадцатую заповедь, что женщины любят балы и наряды и, следственно, жена должна любить их». Кроме того, он считает, что «благосклонное обращение, снисходительность к капризам и модная шляпка – вот что не могло не осчастливить женщины». Эти два предложения, всецело формирующие мнение полковника Гольцберг о женщине, предельно точно характеризуют неправильную точку зрения о счастье женщины и её предназначении, которое превалировало в российском обществе первой половины XIX века.

Другие слова принадлежат полицмейстерше: «Да разве нужно быть век знакомой, чтоб узнать женщину! Видна птица по полету; да и слышно же, что говорят...», - в женщине не ценился ум, не ценились нравственные качества – ценилось лишь то, как она себя держала и как преподносила «свету», мнение о ней формировалось из сплетен. Именно поэтому главной героине, Ольге Гольцберг, «не могли простить ее холодности к обществу, <...> ее склонности к уединенной жизни, ее отчуждения от всех знакомств и особенно простоты ее нарядов, без всякой бронзы». Всего в нескольких высказываниях Елена Ган показывает стереотипное мнение «света» о женском «идеале»: это женщина, любящая сплетни, расположенная к обществу и знакомствам, украшенная нарядами и услаждающая мужа – так писательница видит продиктованный обществом женский «идеал» России первой половины XIX века.

Действительность полностью подтверждает правдивость такого описания: об этом, например, пишет Белинский в своей статье «Сочинения Зенеиды Р-вой» (Зенеида Р-ва –

псевдоним Елены Ган): он говорит о ложном «взгляде, запрещающем женщине выходить из заколдованного круга простых светских отношений», сформировавшемся в обществе, и критикует его. Эти же стереотипы отражаются почти в каждом известном произведении того времени – например, у Гоголя в комедии «Ревизор» есть образ Анны Андреевны, которая «очень любопытна и при случае выказывает тщеславие» и «четыре раза переодевается в разные платья в продолжение пьесы». Таких женских образов, срисованных с дворянской действительности, очень много.

Отражено ли подобное стереотипное мнение в романе Шарлотты Бронте «Джейн Эйр»? Как упоминалось раньше, конфликт так называемого «света» и главной героини в романе английской писательницы почти отсутствует, но однажды в Торнфилде (имении мистера Рочестера, возлюбленного главной героини) появляются гости, чьи развлечения очень похожи на дворянские развлечения. В комнате, где толпились *величественные* дамы в пышных белых платьях, «в мерцании свечей было, кажется, больше души, чем в этих улыбках; звон колокольчика был содержательнее, чем этот смех». Получается, что такое же общество, стянутое масками и пропитанное фальшью, присутствует и в Англии в романе «Джейн Эйр».

Каков же «идеал» женщины в английском «свете»? Эту правду Бронте вкладывает в уста главного собирательного образа представительницы так называемого «света» – мисс Ингрэм, которой все восхищаются, но которая, рассматривая какую-то гравюру, «улыбается, но сказать ей ничего». Она восклицает: «Как будто очарование не является исключительным преимуществом женщины, ее законным достоянием и наследием! *Некрасивая женщина – это просто оскорбление природе...*», – в этих словах отражается та идеология, соответственно которой жили многие представители знати в Англии XIX века. Кроме того, мисс Ингрэм и олицетворяет эту «идеальную» женщину «света» – все ей восхищаются, но не её умственными способностями или нравственными качествами, а «покатыми плечами, длинной грациозной шеей, смуглой чистой кожей» и так далее. Описание Ингрэм чем-то напоминает описание губернаторши, «величественной половины» губернатора, у Елены Ган: она «украшена блондами, цветами, перьями, ярко-малиновым беретом и бронзовой фероньеркою». Бронте показывает нам неправильное мнение аристократических кругов, совпадающую с тем же мнением света в повести Елены Ган: женщина есть украшение, есть существо, только воплощающее собой красоту и очарование.

Подтверждение правдивости такого положения женщины можно найти во многих английских источниках того времени. К примеру, устоявшееся мнение об интересе женщины к сплетням отражается в романе «Гордость и предубеждение» Джейн Остин, кроме того, многие героини романа придают большое значение модным тенденциям. Безусловно, на это влияет и личность писательницы, и её жизненный опыт, но девушки и женщины, постоянно восклицающие: «А его сестры — просто очаровательны! Я в жизни никогда не видывала более элегантных нарядов!» – это лишь слепок с действительности.

В реализации идеи оспорить это положение вещей мы видим сходство между замыслами Елены Ган и Шарлотты Бронте.

Однако в демонстрировании устоявшихся «ярлыков» Шарлотта Бронте идёт дальше – ведь конфликт героини и «света» не лежит в основе её романа. Стереотипы о «женской доле» в романе показываются, напротив, в сфере противоположной – среди священников, которые стремятся «умерщвлять в девушках вожделения плоти». Мистер Брокльхерст является полной противоположностью мнения «света» – он увидел светское влияние на женщин,

развращающее их, и теперь жестоко воспитывает девочек, заставляя их отрезать косы, которые «конечно, заплело тщеславие». С помощью пансиона – Ловуда – где учится Джейн Эйр, Бронте показывает частое для того времени явление – возникновение образовательного учреждения, где в девушках воспитывали хороших жён и прививали им соответствующие, *нужные* священникам нравственные устои. Девочек морят голодом и укрощают в них любые проявления воли, растят хранительниц очага, спутниц мужчин, матерей своих детей.

Эту точку зрения ярко выражает Сент-Джон, который просит руки Джейн, чтобы та, жертвуя всем, поехала с ним, миссионером, в Индию. Этот персонаж видит Джейн только как свою жену, которая бы трудилась вместе с ним «на благо Всевышнего». Важно, что он ни секунды не сомневается в согласии Джейн на брак – тем больше его удивление, когда он получает отказ. Сент-Джон одной своей фразой ярко показывает положение женщины в Англии первой половины XIX века: «Как могу я, мужчина, которому нет ещё тридцати, увезти с собой в Индию девятнадцатилетнюю девушку, если она не станет моей женой? – женщина не может поехать куда-либо без сопровождения мужчины. Споря с Джейн, слова её он именует «недостойными женщины», что тоже демонстрирует наличие границ того, что женщина говорить могла, а что – нет. Мы также видим, что он в удивлении говорит Джейн: «Довольное странно положение для вашего возраста... Вы не замужем?», Обратим внимание: несмотря на явную невыгодность замужества, в Англии устойчива традиция рано выходить замуж (Джейн – 19, но она уже «в возрасте»).

Таких персонажей, как Сент-Джон или мистер Брокльхерст, в повести «Идеал» Елены Ган нет – писательница только единожды затрагивает подобную тему, сравнивая две грани. Её героиня, Вера, сестра Ольги, произносит: «Но кто же, по-твоему, счастлив? Не женщина ли, озабоченная дюжиной детей? Или ветреная кокетка, расставляющая для всех сети, чтобы самой когда-нибудь попасться в них? Или бездушная кукла, которая вальсирует по пути своей жизни, забегая во всякую модную лавку?» – писательница показывает читателю существующую другую грань, но это единственное затрагивание темы женщины-матери семейства в повести, но этого достаточно, чтобы осознать: положение женщины заранее известны, выбор крайне мал.

Мы видим при сходстве положения женщины и ментальные различия: в Англии на самом деле есть пансионаты, благотворительные школы, целью которых было сделать из девочек достойных жён, а вот в России в это время распространено домашнее образование, а «умерщвлением вожделения плоти» в девочках занимается строгая церковная мораль, насаждаемая в домашнем воспитании и отсутствие самостоятельного выбора будущего супруга (у нас недаром говорят: «Насильно мил не будешь»). В данной ситуации Великобритания несколько не опережает Россию: те же роли женщины в «свете», и в унисон им «умерщвляющие» ум пансионаты, воспитывающие жен, повинующихся мужчине.

Очевидное сходство между произведениями мы видим в изображении взгляда *властного* мужчины на «женский вопрос». Два образа – образ самоуверенного Анатолия у Ган и колоритного мистера Рочестера у Бронте показывают, какую власть над женщиной давало мужчине лишь сформировавшееся в обществе мнение, как эта власть его развращала и заставляла обесценивать женщину как человека.

Наиболее это заметно именно у Елены Ган, в образе поэта Анатолия, который ставит себя выше любой женщины и находит общение с ними игрой: «самые трудности этой новой победы увлекали его, избалованного легкими успехами», – так Ган объясняет, почему поэт увлёкся Ольгой. В этом образе писательница показывает отношение к женщине, как к

предмету, к объекту игр, показывает сформированное и не подвергающееся сомнению у мужчины чувство превосходства над женщиной. Так, «поэт» Анатолий, когда Ольга страдает от его предательства, «заснул спокойно, и во сне ему не пригрезились [её] терзания». Елена Ган показывает, как мужчина легко переступает нравственный закон – обижает, унижает другого человека – но не стыдится этого, а воспринимает как должное.

С мистером Рочестером сложнее – он не так избалован и хладнокровен к женщине, как Анатолий, он не является таким же ловеласом. Этот персонаж многогранен и *нравственен* – в нём чувство властности над женщиной проявляется в сочетании со способностью видеть в женщине личность, однако и он своих высказываниях Джейн, своей будущей жене, демонстрирует уверенность в обладании девушкой, продиктованную обществом. К примеру, однажды Рочестер прошептал Джейн: «Сейчас ваша власть, маленький тиран, но скоро будет моя, и тогда я уж вас схвачу и посажу, выражаясь фигурально, вот на такую цепь (при этом он коснулся своей часовой цепочки)». Безусловно, эти слова продиктованы любовью, но в них видна власть мужчины над женщиной, видна его уверенность в скором *обладании* ей. О такой властности говорит и то, что Рочестер не рассказал Джейн о своей первой жене – нравственный закон наверняка говорил ему рассказать ей, но чувство *власти над женщиной* эту обязанность отняло.

Получается, что темы, поднятые писательницами, сходны и в этом: к женщине относятся, как к предмету, её не воспринимают, как полноценную личность. Казалось бы, писательницы из разных стран, где в силу менталитета отличаются традиции и обычаи – но пишут они об одном и том же. Они говорят об ущемлении прав женщины и обе затрагивают их чувства, показывают, как именно неравенство ограничивает сознание женщины; различия между произведениями и сюжетами только в разных обстоятельствах.

Таким образом, мы доказываем гипотезу о том, что так называемый «женский вопрос» в литературе напрямую зависит от национальной почвы и менталитета – в первой половине XIX века «женский вопрос» затрагивал все развитые страны и схоже влиял на женщин, находящихся в разных обстоятельствах.

Подтвердить эту мысль мы можем с помощью анализа повести «Идеал» и романа «Джейн Эйр», выявив мнение самих писательниц о «женском вопросе», об их отношении к своим героиням. Для этого обратимся к текстам произведений и сопоставим авторские вставки Елены Ган и Шарлотты Бронте, где они выдвигают свои основные тезисы и демонстрируют отношение к сочинённому обществом женскому «идеалу». Кроме того, параллельно мы проанализируем, как они рисуют своих героинь, потому что эти образы отражают мнение писательниц.

Для начала проанализируем образы авторов. В повести «Идеал» Елена Ган пропускает многие сцены через призму мировоззрения писательницы: «Общество походило на огромного истукана, для которого душа не была еще ассигнована». Ган использует в тексте форму первого лица: «Мне грустно было смотреть на эту необыкновенную женщину, рожденную украшать собою выбор человечества». Описание чувств, эмоций героини – сопровождается выражением позиции самой писательницы.

В романе Шарлотты Бронте всё повествование ведётся от первого лица, читатель воспринимает окружающую действительность через мировоззрение Джейн, её чувства и впечатления. Мысли девочки, подробно описанные на страницах романа, и составляют мысли Бронте – доказательством этому являются хотя бы многочисленные обращения рассказывающей историю Джейн к читателю: «не правда ли, читатель?». Иногда Шарлотта

использует такие обращения, чтобы подчеркнуть важность сказанного, выделить свою идею, мысль. Например, героиня повествует о событиях и использует такие фразы: «как читатель уже знает» или «я уже говорила вам, читатель».

Мнение Елены Ган о «свете» прослеживается в описании взгляда, которым вошедшая в полную дворян гостиную Ольга окидывает всё собрание: «Она смотрела вокруг себя, как некогда смотрел христианин в римском цирке на диких зверей <...>, возносясь духом выше их свирепости и силы», - Ган презирует «свет» и его традиции, где коверкают чужие стихи и обсуждают только сплетни, а вот свою героиню, которая «парит под небесами и не спустится к <...> земным весёlostям», превозносит. Такое отношение к «свету» демонстрируется во многих сценах – писательница сатирически описывает напыщенный туалет губернаторши, смеётся над строгим старшинством членов и постановкой девушек в ряды по их миловидности. Сплетни задевают и главную героиню, Ольгу, и Елена Ган, сочувствуя ей, восклицает: «Бедная полковница!», позже показывая все душевные терзания Ольги.

Мнение Шарлотты Бронте о таких аристократических собраниях отражается в мыслях Джейн, которая впервые в жизни видит «аристократическое изящество». Большое количество идей у Бронте описано с помощью чувств главной героини.

Точка зрения Шарлотты Бронте о «свете» совпадает с мнением Елены Ган – и выражается это не только подмеченным «и может быть, это высмеиванье и было остроумно, но ему недоставало *добродушия*», но и чувствами Джейн, которые нахлынули на неё при одной только мысли о сравнении её, гувернантки, с аристократичной Ингрэм: девушка пришла в свою комнату, взяла в руки кисть и нарисовала два портрета: один – портрет Ингрэм с «величественными, но гармоническими очертаниями скульптурной шеи и груди», и другой – её собственный портрет, который она называет изображением «невзрачной нищей плебейки». Вот так искусно в двух образах Бронте демонстрирует влияние аристократического общества на женщину, не соответствующую его стандартам – и читатель ужасается этим стандартам, видя, как они угнетают Джейн.

В описании этих чувств писательница противопоставляет простую, искреннюю Джейн напыщенному, величественному обществу. И Ган, и Бронте занимают позицию своих героинь, они противопоставляют их образы «свету» и его стандартам: например, как Ольга не носит «ни одного цветка, ни одного бронзового украшения», так и Джейн, собираясь в гостиную, «быстро приладила волосы, быстро приколола своё единственное украшение – жемчужную брошку» и спустилась вниз. Важную часть в образах обеих героинь занимают чувства – всё происходящее читатель видит только через призму эмоциональных переживаний женщины.

Обе героини эмоциональны и впечатлительны: например, на лице Ольги, героини Ган, то играет добрая улыбка, то тень грусти, то она боязливо смотрит; так же и у Бронте – Джейн чувствует много и видит мир в ярких красках: ещё в детстве её няня «обладала замечательным талантом рассказывать сказки, которые производили на [Джейн] огромное впечатление». Чувствительность обеих, конечно, не случайна – она позволяет писательницам наиболее ярко, иногда даже гиперболизировано, показать влияние гендерного неравенства на душу женщины.

Например, такая восприимчивость к эмоциям отражена в реакции Джейн и других девочек на стремление воспитать в женщине только будущую хорошую жену – на проблему, затронутую только у Шарлотты Бронте. Важно понимать её точку зрения на эту проблему, несмотря на то, что она не поднята у Ган, чтобы затем сравнить главные выводы

писательниц. Когда Бронте характеризует мистера Брокльхерста, который, как мы уже упоминали, стремился «умерщвлять в девочках вождения плоти», она описывает расположение девочек, воспитанниц пансиона, к нему – и в них сказанное вызывает протест. Джейн стоит в их рядах, и, видя, с какими смеющимся над глупостью слов выражениями лица девочки поворачиваются к стене по требованию Брокльхерста, думает: «жаль, что мистер Брокльхерст не видел их [взгляды и гримасы девочек]: возможно, он тогда понял бы, что, сколько бы он ни трудился над внешней оболочкой, внутренний мир девочек был бесконечно от него далёк». Писательница встаёт на защиту чувств каждой девочки, и каждая из них под этой защитой удивительно сохраняет свою уникальность – этим Бронте показывает, что нельзя применять шаблон к совершенно разным людям – именно *человека* читатель видит в этих маленьких девочках. В реальности, к сожалению, всё было совсем не так – и Бронте с помощью такой явственной антитезы с действительностью заставляет своих современников-читателей глубоко задуматься.

Английская писательница критикует как мнение «света», так и мнение священников, которые стремятся уберечь девочек от разврата «света». Чем она объясняет неправильность второго мнения? Оно тоже является очередным «ярлыком», очередной крайностью, лишаящей женщину свободы. Бронте искусно изображает две противоборствующие модели поведения – скромность и тщеславие – а между ними оставляет огромную пропасть, которую составляет *свобода*. Эту огромную пропасть, игнорируемую обществом, и заполняет Джейн Эйр. Она признаётся сама себе: «я хотела свободы, я жаждала ее!» – и только из-за того, что она смогла позволить себе хотеть свободы, в конце концов, она получила её с мистером Рочестером. Желание девушки свободы до знакомства с Рочестером также показывает, что Бронте не считает, что предназначение женщины есть только в любви – Джейн никогда не переставала заниматься своими делами, преследовать свои цели из-за любви к мистеру Рочестеру.

Так считает и Елена Ган, хотя мнения её героини в разные периоды её жизни отличаются, но мы попробуем в этом разобраться. Перед тем, как выйти замуж, Ольга «не считала любви потребностью жизни, предметом существования женщины». Тогда она была полна стремлений и желаний – в ней развивалась независимая личность, и здравый голос твердил о том, что любовь не есть единственная цель существования женщины. Затем, когда Ольга вышла замуж и ощутила всю бедственность положения женщины, когда многие её глубокие чувства не нашли своих пристанищ, она, полюбив поэта Анатолия, восклицает: «И вы так отнимаете у женщины лучшую способность её души – <...> любить!». Ган показывает, как предназначение любить *вынужденно* становится целью существования женщины – Ольга думает и говорит так только тогда, когда становится несчастлива в браке и ограничена в своих возможностях. В конце же повести Ольга, найдя духовную свободу, признаётся себе, что «делалась жертвою своего заблуждения», думая, что любовь к мужчине – истинное и единственное предназначение женщины. Таким образом, в «ясные» моменты своей жизни Ольга видит правду, отрицая любовь как смысл своего существования, а вот в «туманные» заблуждается.

Последняя точка соприкосновения между двумя писательницами – это критика власти мужчин, данной им общественным мнением. Эту точку зрения логичнее всего объяснить некой «диалектикой душ» Ольги и Джейн – они развиваются вместе с событиями, и больше всего на их чувства и суждения влияют именно мужчины. Два ключевых мужских образа в повести «Идеал» – образы полковника Гольцберг, мужа Ольги, и поэта Анатолия;

два же образа в романе «Джейн Эйр» – образы мистера Рочестера и Сент-Джона. Рассматривая «диалектику душ» героинь, мы сможем не только показать губительное влияние власти, данной мужчине, на женщину, но и проследить за эволюцией Ольги и Джейн – к концу произведений они становятся сильнее и увереннее, их будто окрыляют идеи писательниц – Ган и Бронте становятся их защитой от мнения общества.

В самом начале повести «Идеал» Ольга предстаёт перед читателем «цветком, <...> который жестокая рука сорвала с родного куста». Как мы уже выяснили, писательница прощает своей героине «излишнюю мечтательность» и лелеет её способность чувствовать и стремление об этих чувствах говорить. Ган пишет, что пятнадцатилетнюю Ольгу отдают замуж, и она видит себя «связанною с человеком, с которым не могла иметь ни малейшего сочувствия». Когда начинается их совместная жизнь, бедная девушка «едва успевает наполнять быстро опоражниваемые стаканы», – этот невинный цветок медленно поникает в тени своего мужа. Чтобы показать неправильность такой власти мужа над женой, Елена Ган описывает, что происходит с *душой* молодой девушки. Во-первых, она отмечает, что «Ольга свободно дышала тогда только, когда муж её со всем обществом офицеров отправлялся в набег», что уже показывает несправедливость равнодушного отношения мужа к чувствам и желаниям жены. Но, казалось бы, Ольга всё равно «предавалась книгам, своим стихам и фантазиям», когда была наедине с собой – почему ей недостаточно этого счастья?

Елена Ган объясняет и это: *«Чувства в этом случае – как травка не тронь меня⁴: они от неприятного прикосновения сжимаются и увядают; и хотя, отдохнув, приходят в прежнее состояние, однако отпечаток неосторожной руки остаётся на них неизгладимо»*. Ольга, как бы ни хотела сохранить «поэтичность души», из-за гнетущего положения женщины в обществе меняется: возникает «тихая, медленная поступь», её лицо становится бледным, а выражение глаз – грустным. Именно этой характеристикой увядающего цветка Ган показывает отрицательное влияние власти мужчины над женщиной. И это особенность российской действительности, где пока ещё женщине нет достойного места в обществе.

В романе «Джейн Эйр» героиня невероятно стойко сопротивляется общественному мнению и остаётся самой собой, но в её характере появляются черты, которые были привиты ей в Ловуде – а мы помним, что там девочкам хотели показать, как быть хорошими жёнами и уничтожить в них все ростки тщеславия, в которое входила и любовь к самим себе. С самого детства девочка жила в «волнении, неизвестности и всепоглощающем страхе», которые «сковывали её ощущения». Её детство, в отличие от детства Ольги, проведённого в любви с сестрой, было несчастливym – но в доме своей тётки она всё же находила моменты уединения, забираясь на подоконник с книгой и «отгораживая себя с двух сторон от окружающего мира».

В этой героине с самого детства формировался страх по отношению к мужчинам – в доме у тётки её особенно обижал Джон Рид, который приходился Джейн двоюродным братом. Безусловно, его чувство власти над девочкой обусловлено не только гендерным неравенством, но и чувством превосходства из-за того, что он – родной ребёнок, а она – неродной, да ещё и нелюбимый, но и привитая ему власть мужчины над женщиной проявляется в его действиях (его сёстры так себя вести не смеют, хотя тоже Джейн недолголюбивают). Например, однажды мальчик буквально приказывает Джейн: «Скажи: «Что вам угодно, мистер Рид?» <...> Мне угодно, чтобы ты подошла ко мне». Очевидно,

⁴ Не тронь меня - растение, листья которого быстро складываются даже от лёгкого движения рукой.

отрицательное отношение Бронте к этой власти проявляется в описании чувств Джейн в эти мгновения: она «каждым нервом боялась его и трепетала каждой жилкой, едва он приближался к ней».

Когда девочку отправляют в Ловуд, с Джейн случается удивительное. Если Елена Ган не приукрашивает действительности и показывает «увядание» своей героини, то Джейн, которую морят голодом и унижительно ставят на стул перед всеми девочками, выдерживает все испытания. Ни одна мечтательная нотка в ней не погибает, ничто не сдаётся, шестеренки не перестают непрерывно крутиться – и девочка со стойкостью выносит все трудности. Как же писательница объясняет такую выносливость? Можно ли назвать такую черту Джейн Эйр гиперболизированной? Почему у Елены Ган героиня становится заложницей своего положения, а у Шарлотты Бронте – нет?

Елена Ган подчёркивает, что Ольга в «свете» не находит никого, кто мог бы понять её положения и её страданий: она «никогда не свыкнется с условиями света, будет в тягость себе и другим, и *даже голос её так чужд всему миру, что нигде не найдет он отголоска*». Одиночество в своём отчаянии и заставляет Ольгу меняться и «потухать». Джейн Эйр же, поставленная на стул перед другими воспитанницами, сдерживает слёзы, потому что она видит, как мимо неё проходит девочка и поднимает на неё глаза: «Какой странный свет был в них! Как пронизывал их лучистый взгляд! Как будто мученик или герой, пройдя мимо рабы или обречённой жертвы, передал ей часть своей силы», – так Джейн описывает свои чувства в то мгновение. Различие между героинями в том, что девочки в Ловуде держатся друг за друга – это суть социального воспитания, несмотря на различия, они есть друг у друга – и оттого не погибают, а вот Ольга в своём несчастье одна, выросшая в тепличных домашних условиях, она неспособна на борьбу и медленно погибает. Бронте, давая своей героине стойкость⁵, не преувеличивает, а лишь говорит о том, что женщины должны держаться вместе, и это сделает их сильнее. В этом ментальное различие в воспитании Англии и России, влияющее на характер и будущее наших героинь.

Любовь в обоих произведениях является отдельной большой темой, но в рассматриваемом вопросе она снова, как и природа, возвращает героинь к истокам человеческого существования, напоминает и им, и читателю о важности чувств. Любовь обеих героинь тайная, скрытая, но оттого не менее искренняя, чистая, сильная – это чувство в сравнении с теми низкими и подлыми словами, какие обе слышат в свой адрес из-за общественного мнения о «правильном» положении женщины, позволяет им увидеть истину.

Как Ольга Гольцберг восклицает о нечестной жизни «создания, одушевленного дуновением Божиим», окрылённая силами любви, так и Джейн Эйр, в порыве искренности, вызванной её чувством к мистеру Рочестеру, восклицает: «Это мой дух говорит с вашим, словно мы перешли через врата могилы и предстоим перед престолом Божиим, равные друг другу, – как оно и есть на самом деле». В этих словах и заключаются основные мысли произведений – и Елена Ган, и Шарлотта Бронте видят абсурдность в гендерном неравенстве, потому что мужчина и женщина – равные создания, «сотканые из одного материала», как говорила другая героиня из романа одной из сестёр Бронте.

Вернувшись к этому началу – началу природному – героини дали себе шанс измениться. Ольга, даже произнеся истину о равенстве полов, не может отпустить свою

5 Можно также сослаться на слова самой Шарлотты Бронте о своей героине, объясняя, зачем Джейн наделена стойкостью и другими нравственными качествами. В споре с сёстрами она пообещала, что «[её] героиня будет некрасивой внешне, но по-человечески настолько интересной, достойной и привлекательной, что её полюбят».

любовь к Анатолию и обретёт желаемую свободу только после его предательства, пережив все душевные мучения. Её разбитое сердце, как бы парадоксально это не было, помогает ей осознать истину о равенстве и предназначении женщины. «Ольга рыдала как дитя, как рыдала некогда в далеком краю, когда, осиротевшая, рвалась она над изрытой могилой, в которую опускали единственное звено, связывавшее ее с миром и с людьми» – период отчуждения от общества, который последовал в её жизни после расставания с Анатолием, позволил ей посмотреть на жизнь взглядом наблюдателя – и понять, что смысл существования есть в свободе.

Шарлотта Бронте в этом вопросе идёт дальше, чем Елена Ган – Джейн сама вырывается из Торнфилда на свободу, оставляя за своей спиной любовь и горько по ней тоскуя. Безусловно, обе героини в конце концов достигают свободы и душевной независимости, понимают своё положение и находят смысл существования, но история Джейн намного насыщеннее и запутаннее.

Джейн Эйр не только говорит о мужчине и женщине, равных друг другу, но и чувствует равенство всех людей друг перед другом, когда переживает несколько дней без крыши над собственной головой, блуждая на природе. «Никакие узы не связывают [её] больше с человеческим обществом», что напоминает отчуждение от общества Ольги после расставания с Анатолием, она бежит по полям, по лесам и решает «прильнуть к груди всеобщей матери-природы и молить её о покое». Девушка переживает самые страшные дни в своей жизни, в чём и признаётся читателю, но пережитое «нравственное унижение в соединении с физической мукой» позволяет ей духовно вырасти за эти несколько суток, позволяет ей соединить свою душу с природой и почувствовать *законность чувствовать, законность свободно существовать*. Воспоминания тех дней – «слишком горестные, чтобы на них задерживаться», но именно благодаря им Джейн вскоре уверенно отвечает *мужчине*, что хочет стать независимой.

Такие разные истории и заканчиваются по-разному – но объединяет их то, что обе героини получают свободу, получают духовную независимость, шанс сохранить свою чистоту.

Ольга находит покой в часовне и изрекает своё просветление в письме к сестре: «Я не знала тогда, что страдание также имеет свою цель – искупление! <...> я постигла, наконец, что если женщина <...> получает характер, не сходный с правами, господствующими на нашем свете, пламенное воображение и сердце, жадное любви, то напрасно станет она искать вокруг себя взаимности или цели существования, достойной себя. Ничто не наполнит пустоты ее бытия, и она истомится бесплодным старанием привязаться к чему-нибудь в мире. *Неземные привязанности могут удовлетворить ее жажду. Ее любовью должен быть спаситель, ее целью – небеса!*». В письме мы видим, что девушка обретает счастье и находит своё призвание в искуплении и служении небесам, устремлении туда своих мечтаний и целей, она смиряется со своим положением и бросает попытки привязать себя к настоящему миру. Такой конец можно назвать как счастливым, так и трагическим – мы не можем знать, как изменилась жизнь Ольги после этих событий. Возможно, она разочаровалась в действительности и совсем «увяла», а, может, она нашла смысл своего существования в *любви к спасителю* – к Богу – и эта светлая вера спасёт её от дальнейших мук, подобно тому, как спасает Соню Мармеладову в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание».

Джейн Эйр же, вынеся все испытания судьбы, возвращается к своему возлюбленному – мистеру Рочестеру, которого судьба также наказала за обман, лишив зрения. Она приходит к

нему, садится на колени и произносит: «Сэр, я теперь независимая женщина» – в контексте речь идёт о состоянии, полученном Джейн, но независимость ей обретена не только материальная, но и духовная, и вторая намного важнее первой. Девушка находит своё предназначение в любви к мистеру Рочестеру и заботе о нём: «Читатель, я стала его женой...» Шарлотта Бронте не могла дать Джейн выйти замуж в первый раз, когда она была ещё робка и зависела от привитых ей стереотипов, но теперь, когда Джейн преодолела все трудности и научилась выражать собственное мнение и без страха делать это, Бронте сводит её с любимым мужчиной и пророчит им счастливое будущее.

Подводя итог практической части, мы можем сказать, что выявили главную идею обеих писательниц: о том, что мужчина и женщина должны быть равны, потому что природа сделала их равными, и не ущемлять чувств друг друга, и поняли, что и Елена Ган, и Шарлотта Бронте хотели заставить своих читателей-современников увидеть неправильность текущего положения женщины в обществе, хотели заставить их задать себе терзающий одну из знакомых нам героинь, Ольгу Гольцберг, вопрос:

«Но какой злой гений так исказил предназначение женщин?»

Именно поэтому финал романа Бронте – возможность счастливого брака, взаимной любви, а финал повести Ган – провозглашение любви к Богу, как к высшей форме сознания, при отсутствии такового среди людей...

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе исследования был проведён сопоставительный анализ повести «Идеал» Елены Ган и романа «Джейн Эйр» Шарлотты Бронте в направлении понимания «женского вопроса», построенного на особенностях менталитета страны, в которой происходят события.

В ходе практической части мы реализовали задачи: мы выявили, что писательницы схоже изображают своих героинь: эмоциональными, мечтательными, амбициозными, заставляют их пройти через испытания судьбы и показывают, какие психологические изменения в них происходят по мере того, как они становятся сильнее. Мы также нашли в произведениях характерные для Англии и России первой половины XIX века черты положения женщины, подчеркнули существующие тогда «идеалы» женщины – выделили, что женщина была или «ветреной кокеткой», или «озабочена дюжиной детей». В этих «ярлыках», выраженных множеством фраз и ситуаций, мы нашли влияние исторической обстановки в произведениях и провели параллели с реальностью XIX века. Кроме того, мы доказали, что жизненный опыт писательниц оказал огромное влияние на произведения, что оба произведения частично автобиографичны.

В ходе теоретической части мы сопоставили несколько исследований и статей, освещающих «женский вопрос» в произведениях писательниц и просто творчество Шарлотты Бронте и Елены Ган. Это помогло нам в ходе исследования: основные положения всех изученных работ были схожи, в практической части мы отталкивались от них, доказывая нашу гипотезу. Выполнив исследование, мы можем утверждать, что согласны с большинством из них, но в одном вопросе – а именно, считает ли Елена Ган любовь предназначением женщины – мы разошлись с некоторыми исследователями. Мы доказали, что писательница видит «женскую долю» не только в любви, героиней владеют другие желания и стремления, а любовь – пока невозможна в силу национальных особенностей России XIX века.

Гипотезой нашего исследования было утверждение, что «женский вопрос» и его отображение в произведениях писательниц зависит от национальной почвы – потому способы его отображения в Англии и России будут разными. В практической части мы нашли множество совпадений в отображении положения женщины, множество сходных тезисов, но различия в образе мысли и судьбе наших героинь всё-таки обусловлены менталитетом двух стран, повлиявшим на обстоятельства, в которые попали героини. Но главная идея (на тему «женского вопроса») в произведениях Елены Ган и Шарлотты Бронте схожа: обе писательницы говорят о равенстве между мужчиной женщиной, считают его естественным, предписанным людям природой. Таким образом, **гипотеза** нашего исследования о явном различии между писательницами из-за их принадлежности к разным странам **была доказана**.

Всё вышеперечисленное составляет **выполнение всех задач** исследования в ходе сопоставительного анализа – а проведённый сопоставительный анализ по многим аспектам и формулирование ключевых выводов на его основе означает **достижение** нами **цели** исследования.

Проведённое исследование легло в основу статьи «Отображение положения женщины в романе «Джейн Эйр» Шарлотты Бронте и повести «Идеал» Елены Ган. О чём говорят писательницы» – это **продукт** нашего исследования.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ПРИЛОЖЕНИЯ:

1. Свидетельство о публикации в СМИ.
2. Отзыв об Индивидуальном проекте, составленный руководителем проекта.